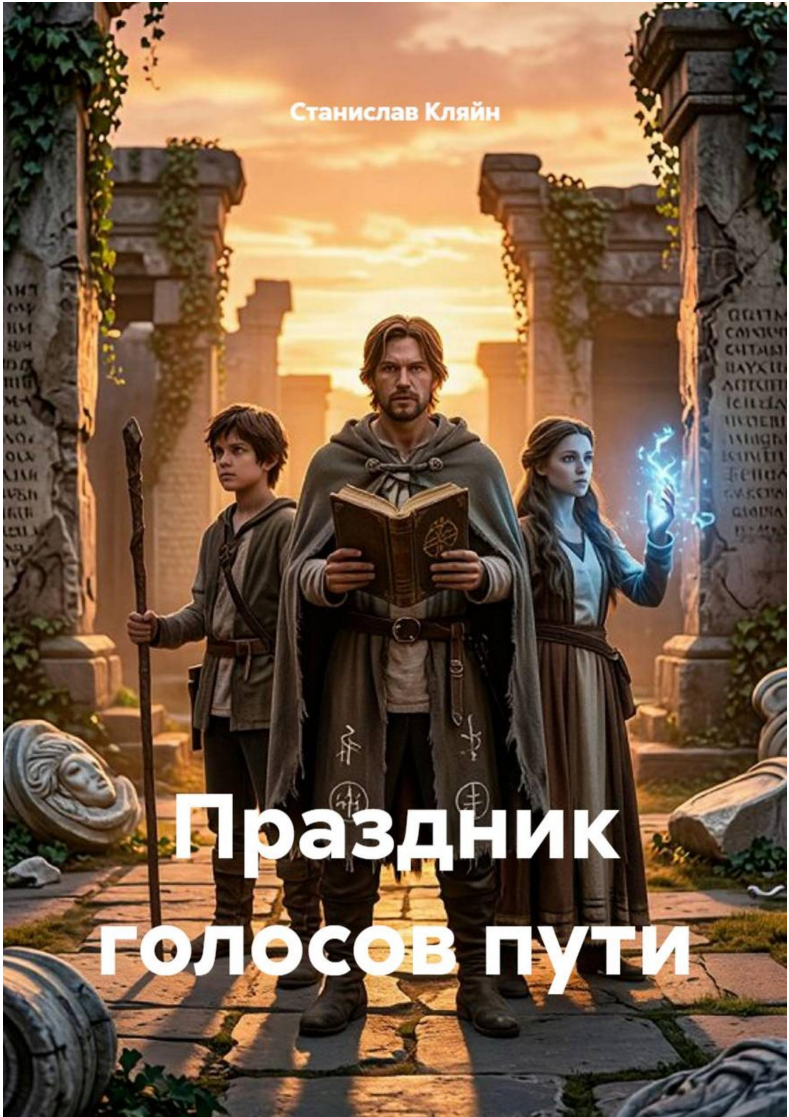

Станислав Кляйн
Праздник голосов пути

Станислав Кляйн

Праздник голосов пути

https://litres.ru/74723768
SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга цикла, продолжающая историю города, который балансировал на грани забвения. Если в первой части герои учились видеть угрозу и понимать, как механизмы гильдии подтачивают живую память города, то теперь им предстоит доказать, что прошлое — не слабость, а опора. Марк, Тоби, Вирт и Лира переходят от защиты к созиданию: они создают Книгу памяти, превращают старые узлы системы из инструментов контроля в средства поддержки, а главное — помогают городу заговорить собственным голосом. Через простые, но настоящие истории жителей — от Марны и её хлеба до Борга и его железа — раскрывается сила коллективной памяти. Финал становится не просто победой над врагом, а новым началом: город учится беречь каждое слово, потому что именно в них — его душа. Это книга о том, как умение слышать друг друга оказывается сильнее любой машины.

Содержание

Глава 1. Тень совета 4
Глава 2. Голос улицы 8
Глава 3. Эхо в темноте 12
Глава 4. Пробуждение памяти 18
Глава 5. Тропа забытых слов 24
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Станислав Кляйн
Праздник голосов пути

Глава 1. Тень совета

После событий у храма прошёл месяц — но в гарнизоне этот месяц тянулся, как целая зима. Город будто затаил дыхание: все знали, что печать держится не на камнях, а на памяти, и оттого каждое слово теперь звучало громче обычного.

Совет собрался в зале с высокими сводами, где раньше обсуждали только патрули и поставки. Теперь здесь говорили о другом: о том, как заставить целый город помнить. Капитан сидел во главе стола, его лицо было привычно бесстрастным, но в глазах читалось напряжение — он понимал: если они ошибутся, не поможет ни сталь, ни клятвы.

Марк стоял рядом, прямой, будто клинок, воткнутый в пол. Карел, Лира и Эдан заняли места чуть позади — не потому, что их голос ценился меньше, а потому, что они сами предпочитали слушать, прежде чем говорить.

— Мы не можем просто выставить караулы у каждого узла, — произнёс капитан, постукивая пальцем по карте подземелий. — У нас нет столько людей. А Орден Тени не исчезнет оттого, что мы схватили пару фанатиков.

Лира подняла голову. На её плече всё ещё висел потрёпанный ремень сумки, в которой лежала книга — та самая, с которой всё началось.

— Значит, нужно сделать так, чтобы каждый житель города стал нашим караулом, — сказала она. — Не с мечом, а с памятью. Истории, легенды, даже слухи — всё, что напоминает: под городом спит сила, и договор с ней — это не сказка для детей.

Эдан кивнул, держа в руках резонатор. Пластина больше не вспыхивала без причины, но теперь она реагировала на иное: на резкие голоса, на ложь, на попытки умолчать. Сегодня она лежала спокойно, будто одобряла слова Лиры.

— Есть ещё одна проблема, — тихо добавил он. — Тот человек из храма… он говорил о переписывании договора. Это значит, что враг теперь не только в подземельях. Он там, где решают, что считать правдой.

В зале повисла тишина — тяжёлая, как мокрый плащ.

Карел наконец заговорил:

— Тогда мы должны быть там же. Если кто-то захочет стереть память — мы будем напоминать. Если кто-то предложит «проще забыть ради спокойствия» — мы скажем, почему это опасно.

Марк посмотрел на него и едва заметно улыбнулся:

— Ты из стражника становишься голосом города.

Капитан откинулся на спинку кресла и вздохнул — не устало, а так, будто принимал груз, который давно ждал.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будет так. Мы создадим не просто стражу, а стражу памяти. Лира, ты будешь собирать и проверять все истории — чтобы в них не закралась ложь. Эдан, ты отвечаешь за связь с печатью: если она снова начнёт колебаться, мы должны узнать первыми. Марк, тебе — координация патрулей и работа с гарнизоном. А ты, Карел… — капитан посмотрел прямо на него, — ты будешь тем, кто ходит по улицам. Кто говорит с людьми. Кто напоминает, что договор — это не приказ сверху, а выбор каждого.

Карел кивнул. Он не чувствовал гордости — только тяжесть ответственности. Но в этой тяжести было что-то правильное: будто печать, которую он чувствовал где-то глубоко внутри, тихо шепнула: «Ты на своём месте».

А потом дверь зала распахнулась, и вошёл посыльный — бледный, с расширенными глазами.

— С нижнего узла пришёл сигнал, — выдохнул он. — Резонаторы там зашкаливают. Печать снова колеблется… и на этот раз не от ритуала.

Марк тут же выхватил плащ.

— Где?

— Под старой рыночной площадью, — ответил посыльный. — Там сегодня ярмарка. И там… там что-то происходит.

Не нужно было отдавать приказов. Все уже поднимались, уже застёгивали ремни, уже проверяли оружие. Даже Лира

сунула книгу за пазуху — на всякий случай.

Они выбежали из зала, и город встретил их не тишиной, а гулом ярмарки: криками торговцев, смехом детей, скрипом повозок. И над всем этим, едва уловимый, но настоящий, висел другой звук — низкий, тягучий, похожий на стон земли.

Печать просила о помощи.

Глава 2. Голос улицы

Ярмарка на рыночной площади жила своей обычной жизнью — будто и не было никакого тревожного сигнала, будто земля не стонала под ногами. Торговцы зазывали покупателей, мальчишки носились между прилавками, старушки перебирали травы, а в воздухе витал запах свежего хлеба и пряностей. Но Карел, идя сквозь толпу, чувствовал: под этим шумом прячется другой звук — тяжёлый, глухой, как биение раненого сердца.

Он остановился у лотка с глиняными свистульками. Хозяин, круглолицый мужчина с выгоревшими бровями, привычно улыбался, но стоило Карелу спросить про «странности под землёй», улыбка тут же стала натянутой.

— Под землёй? — переспросил торговец, будто слова обожгли ему язык. — Да что там может быть, кроме крыс да старых труб? Ты лучше свистульку возьми — ребёнку радость.

Карел не стал настаивать. Он уже понял: люди не то чтобы не верили — они не хотели верить. Страх был неудобным, а удобная ложь казалась безопаснее правды.

Чуть дальше, у рыбного ряда, он заметил старуху, которая, наклонившись к соседке, шептала:

— С утра вода в колодце дрожала. Как живая. Будто кто-то снизу тянет.

Соседка тут же шикнула:

— Да брось ты эти сказки! Вода дрожит, когда телега проезжает. Не пугай людей.

И старуха замолчала, сжав губы так, будто проглотила собственные слова.

Карел двинулся дальше, к краю площади, где начинались узкие переулки. Там, в тени домов, было тише, и именно оттуда тянуло холодом — не осенним, а таким, какой бывает рядом с чем-то древним и недобрым.

Вдруг его окликнули:

— Эй, стражник! Ты опять про подземелья выспрашиваешь?

Перед ним стоял мальчишка лет двенадцати, в залатанной куртке и с хитрыми глазами.

— Ты ведь тот, кто с Хранителем ходил, да? — не дожидаясь ответа, мальчишка понизил голос. — Я знаю, где люк. Тот, что ведёт прямо к нижнему узлу. Его давно завалили досками, но я видел, как оттуда шёл странный свет. И слышал… ну, не шаги, а будто шёпот.

Карел наклонился к нему:

— Откуда знаешь?

— Я везде лажу, — пожал плечами мальчишка. — Меня Тоби зовут. Если хочешь, покажу. Только не сдавай меня страже, ладно?

Карел на секунду задумался. Приказ был ясен: не действовать в одиночку, докладывать обо всём. Но если печать колеблется прямо сейчас, каждая минута на счету.

— Веди, — тихо сказал он. — Но держись позади. И если скажу «беги» — беги, не оглядываясь.

Тоби кивнул, сверкнул глазами и юркнул в узкий проход между домами. Карел последовал за ним, чувствуя, как с каждым шагом гул под ногами становится всё отчётливее — и всё злее.

Они вышли к заброшенному складу, где доски на люке действительно были сдвинуты, будто кто-то недавно спускался вниз. Карел потянулся к мечу, но не вынул его — пока не время. Вместо этого он достал маленький фонарь и кивнул Тоби:

— Останься здесь. Если через десять минут не вернусь — беги к гарнизону и скажи, что узел под площадью в опасности.

Мальчишка хотел возразить, но в глазах Карела было что-то такое, что заставило его молча кивнуть.

Карел откинул доски и спустился в темноту. Лестница скрипела под его сапогами, а воздух становился всё тяжелее, будто сам подвал не хотел пускать его дальше.

Внизу коридор расходился на три стороны. Карел замер, прислушиваясь не к звукам, а к тому, что чувствовалось кожей: печать кричала. И крик шёл слева.

Он двинулся туда, держа фонарь перед собой. Свет выхватывал из темноты старые ящики, паутину, следы чьих-то сапог — свежие, ещё не присыпанные пылью. Кто-то был здесь совсем недавно.

Поворот, ещё один — и вдруг пол под ногами дрогнул. Не сильно, но достаточно, чтобы Карел схватился за стену.

А потом он увидел это.

В центре небольшого зала стоял каменный пьедестал, а на нём — не кристалл и не решётка, а нечто, похожее на сгусток тьмы, переплетённой тонкими светящимися нитями. Нити пульсировали в такт тому самому гулу, который Карел чувствовал всем телом. Рядом с пьедесталом лежали обрывки ткани, какие-то инструменты… и маленькая, аккуратно сложенная записка.

Карел подошёл ближе и поднял её. На пожелтевшей бумаге неровным почерком было выведено:

«Договор можно переписать. И мы это сделаем».

В этот момент тьма на пьедестале вспыхнула, и из неё вырвался звук — не шёпот, а голос, который будто знал Карела по имени:

— Ты пришёл слишком поздно. Договор уже меняется.

Глава 3. Эхо в темноте

Голос, прозвучавший из сгустка тьмы, ударил по нервам, как ледяной ветер. Карел отшатнулся, но не отступил — он слишком хорошо помнил свою клятву: не позволять страху решать за него.

— Кто ты? — резко спросил он, крепче сжимая рукоять меча, хотя понимал: сталь тут бессильна.

Сгусток тьмы не ответил словами. Вместо этого нити внутри него вспыхнули, и перед глазами Карела пронеслись обрывки образов: площадь, полная людей; трещины, бегущие по мостовой; и чей-то спокойный голос, произносящий: «Пусть город заплатит свободой — и получит силу».

Видение оборвалось так же резко, как началось. Карел тряхнул головой, прогоняя наваждение, и снова посмотрел на пьедестал. Теперь он видел не просто странный артефакт — он видел ловушку. Ритуал «переписывания» требовал не только инструментов, но и фокуса: силы города, собранной в одном месте. А ярмарка наверху как нельзя лучше подходила для этого — сотни людей, их страхи, надежды, волнения… всё это создавало поток, который враги пытались перехватить.

Карел потянулся к записке, всё ещё зажатой в пальцах, и сунул её в карман. Потом достал небольшой кристалл, который дал ему Эдан, — тот самый, что должен был служить

маяком. Он сжал его в ладони и прошептал формулу активации, которую Хранитель заставил выучить наизусть. Кристалл слабо засветился, отзываясь на его пульс.

«Хоть бы сработало», — пронеслось в голове.

В этот момент пол снова дрогнул, но теперь не плавно, а рывками, будто кто-то дёргал город за невидимые нити. Сгусток тьмы начал пульсировать быстрее, нити в нём сплетались в новый узор — не хаотичный, а пугающе точный.

Карел понял: времени почти не осталось. Если ритуал завершится, печать не просто ослабнет — она станет чужой.

Он шагнул к пьедесталу, не сводя глаз с пульсирующего сгустка.

— Печать — это договор, — тихо, но твёрдо произнёс он, вспоминая слова со свитка. — А договор держится на памяти. Ты можешь исказить звук, но не сможешь стереть то, что помнят люди.

И тогда он сделал то, чего сам от себя не ожидал: не ударил, не попытался разрушить артефакт, а положил ладонь прямо на холодный камень пьедестала — туда, где чувствовалось биение чужой воли.

На мгновение всё замерло. Тьма будто прислушалась. А потом из неё вырвался не голос, а волна давления — словно сама земля пыталась оттолкнуть его прочь. Карел стиснул зубы, не убирая руку. Он не пытался победить тьму силой. Он напоминал ей: здесь есть другой голос. Голос тех, кто помнит.

Где-то наверху, над площадью, раздался крик — не панический, а командный. И почти сразу вслед за ним послышался знакомый голос:

— Карел! Сюда!

Это был Марк.

Карел отдёрнул руку, и в тот же миг сгусток тьмы дрогнул — не от разрушения, а от колебания. Ритм сбился. Ритуал замер на грани.

Через боковой проход в зал ворвались Марк и двое стражников. За ними, едва поспевая, бежал Тоби — мальчишка прижимал к груди какой-то свёрток и выглядел одновременно напуганным и ужасно гордым.

— Мы нашли люк, — выдохнул Тоби, тыча пальцем в сторону коридора. — Я привёл их!

Марк метнулся к пьедесталу, оценивая ситуацию одним взглядом.

— Что ты сделал? — коротко спросил он.

— Ничего, — хрипло ответил Карел. — Просто… напомнил.

Эдан появился в дверях последним, держа в руках резонатор. Пластина на нём горела тревожным красным светом, но стоило Эдану подойти ближе, как цвет начал меняться — становился спокойнее, ровнее.

— Он сдержал поток, — тихо произнёс Хранитель, глядя на Карела. — Не дал ритуалу замкнуться. Печать почувствовала его намерение.

Лира, которую Карел только сейчас заметил за спиной Эдана, торопливо листала книгу, прижимая её к груди.

— Здесь есть способ, — быстро заговорила она. — В старых текстах говорится, что если ритуал уже начат, его можно не разрушить, а… перенаправить. Нужно вернуть силу туда, где ей место. Для этого нужен якорь — что-то, что город помнит по-настоящему. Что-то простое, но важное для всех.

Карел вдруг вспомнил шум ярмарки наверху: смех детей, спор торговцев, запах свежего хлеба. И понял.

— Колодец на площади, — сказал он. — Тот, у которого старуха говорила, что вода дрожала. Это старый городской колодец. Его копали ещё при первых стражах. Люди до сих пор берут оттуда воду. Это… это часть их повседневной памяти.

Лира подняла на него глаза и кивнула:

— Да. Именно такое. Не легенда, не клятва, а обычная жизнь. То, что связывает город каждый день.

Эдан уже доставал из сумки тонкую медную пластину с выгравированными символами.

— Нужно установить якорь у колодца, — сказал он. — И связать его с печатью. Тогда даже если ритуал попытаются возобновить, сила уйдёт не во тьму, а в память города.

Марк коротко кивнул, отдавая приказы:

— Стражники остаются здесь, блокируют зал. Карел, Лира, Эдан — со мной. Тоби… — он посмотрел на мальчишку, — ты знаешь эти катакомбы лучше многих. Проводи нас

коротким путём к выходу у площади. И постарайся не попадаться врагам.

Тоби гордо выпрямил спину:

— Знаю. Там есть лаз за старой печью. По нему даже кошка пролезет, а я уж точно.

Они двинулись вперёд, оставляя позади пульсирующий сгусток тьмы — теперь уже не как победителя, а как проблему, которую вот-вот лишат силы.

Когда они выбрались наверх, площадь встретила их не привычной суетой, а странной, натянутой тишиной. Торговцы сбились в кучки, дети притихли, а над колодцем, тем самым, о котором говорил Карел, висел лёгкий, неестественный туман — будто воздух сам пытался что-то скрыть.

Лира первой подошла к краю колодца и раскрыла книгу на нужной странице.

— Ставьте пластину здесь, — сказала она, указывая на каменную окантовку. — И повторяйте за мной. Это не заклинание, а напоминание. Слова, которые возвращают силу на место.

Эдан аккуратно закрепил пластину. Марк встал рядом, положив руку на камень. Карел замер напротив, чувствуя, как под ногами снова шевелится земля — но теперь он знал: это не враг. Это город, который ждал, когда ему помогут вспомнить.

Лира начала читать:

— «Мы помним, откуда пришла вода. Мы помним, кто

копал этот колодец. Мы помним, что сила служит городу, а не правит им».

Остальные повторили за ней. И с каждым словом туман над колодцем становился светлее, тоньше, пока не рассеялся совсем.

А потом земля вздохнула — глубоко, спокойно, будто сбросила с плеч тяжёлый груз.

Резонатор в руке Эдана вспыхнул ровным золотистым светом.

— Получилось, — тихо сказал он. — Якорь установлен. Ритуал не сможет забрать силу. Она вернулась туда, где должна быть.

Карел посмотрел на площадь, на людей, которые уже снова начинали переговариваться, на торговца, который неуверенно, но всё же снова зазывал покупателей. И понял: защита города — это не только клятвы и битвы. Это ещё и обычные дни. Обычные слова. Обычные поступки.

Марк положил ему руку на плечо:

— Ты сегодня спас не только узел. Ты спас то, что делает город живым.

Глава 4. Пробуждение памяти

Первые дни после установки якоря у колодца город будто учился дышать заново. Люди по-прежнему спешили по делам, торговали, спорили, смеялись — но в этих привычных звуках появилось что-то новое: лёгкая настороженность, будто каждый вдруг стал внимательнее прислушиваться к тому, что раньше принимал как должное.

Карел шёл по узким улочкам нижнего квартала, где дома жались друг к другу, а тени лежали гуще обычного. Теперь он не просто смотрел по сторонам — он вслушивался. И то, что он слышал, заставляло его хмуриться.

У пекарни старуха рассказывала соседке:

— Помнишь, как в детстве мать говорила: «Не стой долго у колодца — земля может услышать и ответить»? А я всё думала — сказки. А теперь вот… вода в нём как будто стала тише. Будто слушает.

Соседка хотела отмахнуться, но осеклась:

— Да… и правда. Раньше она всегда тихонько плескалась, даже в безветренную погоду. А теперь — ни звука. Как будто ждёт чего-то.

Карел замедлил шаг, запоминая каждое слово. Это было не просто любопытство. Это была память — та самая, что держала печать. И она просыпалась.

Чуть дальше, у мастерской жестянщика, мальчишки игра-

ли в «стражей и теней» — раньше они просто бегали с палками, а теперь выстраивали «узлы защиты» из камней и громко спорили, какой узор на медной пластине «правильнее».

— Надо вот так! — кричал один, чертя на пыли витой символ. — Это чтобы сила не уходила!

— Нет, тут надо круг! — возражал другой. — Круг держит лучше!

Карел улыбнулся уголком губ. Пусть это была игра. Главное, что они помнили: есть что-то, что нужно держать.

Но не все перемены были такими безобидными.

В таверне «У старого моста» разговор шёл совсем другой. За дальним столом сидели трое — не местные, судя по аккуратным плащам и тому, как они старались не привлекать внимания, но при этом слишком уж внимательно слушали чужие разговоры. Один из них, с тонкими пальцами и холодным взглядом, наклонился к хозяину таверны:

— Говорят, в городе опять начались эти… странности. С землёй, с колодцами. Может, пора подумать о защите? Мы представляем гильдию инженеров. Можем предложить решение: перекрыть опасные зоны, установить защитные барьеры, провести дренаж…

Хозяин, крепкий мужчина с седыми висками, нахмурился:

— У нас тут не болото. У нас город. И мы сами знаем, как за ним смотреть.

— Именно поэтому, — мягко продолжил незнакомец. —

Потому что вы смотрите, а не считаете. А считать должны специалисты. Мы можем сделать так, чтобы никто больше не боялся.

Хозяин сжал кулаки, но сдержался:

— Мы не боимся. Мы помним.

Незнакомец чуть приподнял бровь, будто услышал что-то забавное:

— Память — это хорошо. Но память не держит стены. А мы можем.

Карел, стоявший в полутени у входа, крепче сжал ремень сумки. Он не хотел вмешиваться, но слова эти царапали слух. «Сделать так, чтобы никто не боялся» — значит, заставить забыть. А забыть — значит сломать печать.

Он вышел на свет, подошёл к столу:

— Кто вы такие, чтобы решать, чего городу бояться?

Незнакомец медленно повернул голову, будто оценивая, стоит ли вообще отвечать.

— Те, кто предлагает порядок вместо суеверий, — спокойно произнёс он. — Город растёт. Ему нужны решения, а не легенды.

— Легенды — это то, на чём он стоит, — твёрдо сказал Карел. — И если вы попытаетесь их заменить… мы этого не позволим.

На мгновение в глазах незнакомца мелькнуло что-то похожее на уважение — или на расчёт.

— Посмотрим, — тихо произнёс он. — Иногда порядок

приходит не по приглашению.

И они встали, расплатились и вышли, оставив после себя ощущение холода, будто сквозняк пронёсся по залу.

Хозяин таверны подошёл к Карелу:

— Это они… те, кто хочет всё «упорядочить»?

Карел кивнул:

— Похоже на то. И они не первые. Просто теперь они говорят не про магию и проклятия, а про «безопасность» и «эффективность». А смысл тот же: стереть память и поставить на её место свой порядок.

— Что будем делать? — спросил хозяин.

— Рассказывать, — просто ответил Карел. — Пусть люди знают: если кто-то предлагает «забыть ради спокойствия», это не защита. Это угроза.

Тем временем в гарнизоне Лира склонилась над старыми хрониками, разложив перед собой несколько свитков и ту самую металлическую фольгу со словами договора. Рядом сидел Эдан, проверяя показания резонатора — пластина теперь вела себя иначе: она не просто реагировала на опасность, а словно «слушала» город, отмечая места, где память становилась ярче или, наоборот, тускнела.

— Смотри, — Лира провела пальцем по строке на фольге. — Здесь говорится о «волнах памяти». Они расходятся от якорей — как круги по воде. Колодец стал одним из них. Но он не единственный. Должны быть и другие места, где город помнит особенно сильно.

Эдан кивнул, глядя на карту подземелий:

— Я чувствую их. Не все сразу, но… вот здесь, у старой кузницы, и здесь, на северной окраине, у разрушенного храма. Там память гуще. Если мы установим там дополнительные якоря, печать станет устойчивее. Но для этого нужно понять, что именно эти места значат для людей. Не историю из книг, а живую память: какие легенды, какие привычки, какие слова там живут.

Лира улыбнулась:

— Значит, нам нужны не только карты и формулы. Нам нужны истории.

Марк, вошедший в комнату с кипой отчётов, остановился, слушая их разговор.

— Истории? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, что сказки и байки могут быть оружием?

— Не байки, — серьёзно сказала Лира. — Память. Если город помнит, кто он и что обещал, печать держится. Если забывает — падает. Значит, мы должны собирать эти воспоминания, как собирают камни для стены.

Марк задумался, потом кивнул:

— Тогда сделаем так. Карел уже ходит по улицам и слушает. Пусть он не просто ищет опасность, а собирает эти истории. Пусть записывает всё: легенды, приметы, даже детские считалки, если в них есть отголосок старого договора. А мы… мы попробуем понять, как превратить эту память в защиту.

Вечером Карел сидел на краю городской стены, глядя, как солнце садится за крыши, окрашивая их в тёплые тона. Рядом, болтая ногами, устроился Тоби.

— Знаешь, — тихо сказал мальчишка, — я раньше думал, что все эти сказки про город — просто чтобы детей пугать. А теперь… теперь мне кажется, что в них правда есть. Просто она спрятана.

Карел посмотрел на него и улыбнулся:

— В этом и сила. Правда прячется, чтобы её искали. И когда находят — она становится крепче.

Тоби кивнул, будто принял это как важную мысль:

— А я могу помогать. Я везде лажу. Могу слушать, где что говорят. И никому не расскажу, если скажешь молчать.

Карел положил руку ему на плечо:

— Можешь. Только помни: не лезь туда, где опасно. Опасность — это моя работа. А твоя — слышать и помнить.

Мальчишка гордо выпрямил спину:

— Буду. Я буду помнить.

Город затихал, но не погружался в тишину — он будто перешёптывался сам с собой, вспоминая то, что так долго старался не замечать. И Карел знал: впереди будет ещё много борьбы. Но теперь у них было оружие, которое нельзя сломать одним ударом. Оружие из слов, из памяти, из голосов тех, кто не хотел забывать.

Глава 5. Тропа забытых слов

Утро выдалось серым и зябким — будто город нарочно надел самый неприметный плащ, чтобы не привлекать лишнего внимания. Карел и Тоби шли по задворкам, где мостовые давно сдались под натиском травы, а дома стояли так тесно, что казалось, будто они держатся друг за друга, чтобы не упасть.

— Тут, — шёпотом сказал Тоби, указывая на покосившуюся калитку. — У бабки Мирны. Она самая старая в квартале. И говорит, что помнит даже не свои истории, а те, что ей бабушка рассказывала. Прямо как шкатулку с чужими воспоминаниями носит.

Карел кивнул и постучал — не громко, а так, чтобы звук был похож на осторожное напоминание: «Мы здесь, и мы не враги».

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался острый взгляд и седой вихор.

— Чего надо? — спросила бабка Мирна без приветствия. Голос у неё был сухой, как старая кора, но в нём слышалась сила привычки — привычки не верить на слово, но и не отказывать сразу.

— Мы не за деньгами, — спокойно ответил Карел. — Мы за словами. За теми, что раньше у колодца шептали, а теперь забыли.

Мирна прищурилась, будто пыталась разглядеть в нём что-то, спрятанное глубже лица. Потом вздохнула и приоткрыла дверь чуть шире:

— Входите. Только не шумите. Дом старый — он не любит криков.

Внутри пахло сушёными травами, воском и временем, которое здесь не торопилось. На полке стояли глиняные фигурки, на стенах висели выцветшие вышивки с узорами, похожими на те, что встречались в записях Лиры.

— Садитесь, — буркнула Мирна, усаживаясь на высокий табурет. — Только не ждите сказок. Я не для того столько лет прожила, чтобы байки рассказывать.

Карел сел на край лавки, стараясь не скрипеть. Тоби пристроился рядом, с любопытством оглядываясь, но не трогая ничего — даже пылинка, казалось, была здесь на своём месте.

— Говорят, раньше у колодца не просто воду брали, — начал Карел. — Говорили особые слова. Не молитву, а… напоминание.

Мирна хмыкнула:

— Напоминание. Хорошее слово. Раньше ведь как было: каждый раз, когда кружку опускали, говорили: «Помним, откуда пришла сила. Помним, кому она служит». А потом стало стыдно. Вроде как глупо — с колодцем разговаривать. А потом и вовсе перестали.

— А почему перестали? — тихо спросил Тоби.

Старуха посмотрела на него долгим взглядом:

— Потому что пришли те, кто сказал: «Сила должна служить нам». Не городу. Не договору. А им. И чем громче они говорили, тем тише становились наши слова. Пока совсем не стихли.

Карел почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло — точно кусочек мозаики встал на место.

— Вы помните эти слова? — спросил он. — Дословно?

Мирна помолчала, будто прислушиваясь не к ним, а к чему-то внутри себя. Потом медленно, словно каждое слово приходилось доставать из глубины, произнесла:

— «Сила течёт, но не владеет. Вода помнит, и мы помним. Пусть будет так, пока город стоит».

Тоби повторил про себя, шевеля губами. Карел достал маленький блокнот и записал.

— Спасибо, — сказал он. — Это важно.

— Не мне спасибо, — сухо ответила Мирна. — Себе спасибо скажите, что не дали забыть. А то ведь забытое слово — как дыра в стене: сначала маленькая, а потом ветер всё выдувает.

В этот момент резонатор в сумке Карела слабо звякнул — не тревожно, а как будто одобрительно. Он достал его: пластина светилась ровным, тёплым светом. Эдан говорил, что так бывает, когда память находит свой путь.

Тем временем в гарнизоне Лира склонилась над картой, раскладывая рядом выписки из хроник, заметки и те самые

металлические листы со словами договора. Эдан стоял рядом, водя пальцем по линиям подземных ходов.

— Смотри, — тихо сказал он. — Все эти места, где память особенно сильна… они не случайны. Они образуют узор. Не случайный, а такой, какой использовали первые Стражи для распределения силы.

Лира прищурилась, накладывая на карту полупрозрачную схему из старого свитка. Линии совпали почти идеально.

— Значит, якоря нужно ставить не где попало, — прошептала она. — А именно в этих точках. Там, где люди веками повторяли одни и те же слова, делали одни и те же вещи. Там, где привычка стала частью защиты.

Марк, вошедший в комнату с папкой в руках, остановился, глядя на их работу.

— У меня новости, — сказал он, и голос его звучал непривычно жёстко. — Представители «гильдии инженеров» подали прошение в городской совет. Они хотят провести «обследование подземных коммуникаций» и «укрепить опасные зоны». А на деле… на деле они хотят получить доступ ко всем узлам. И если совет согласится, у них будет легальная возможность ходить по нашим маршрутам, трогать наши якоря… и делать вид, что они просто «чинят трубы».

Лира подняла голову, глаза её потемнели:

— Это не про трубы. Это про контроль. Если они начнут «укреплять» узлы, они смогут незаметно менять структуру потока силы. И тогда печать станет не договором, а их при-

казом.

Эдан сжал кулаки:

— Значит, мы должны успеть. Поставить якоря в ключевых точках до того, как они получат доступ. Но для этого нам нужны не только формулы. Нам нужны те самые слова, те самые привычки, которые делают эти места живыми. Без них якорь — просто кусок металла.

Марк посмотрел на них, и в его взгляде мелькнуло то, что Карел называл «решимостью перед бурей»:

— Тогда действуйте. Лира, готовь схемы. Эдан, проверь все возможные точки. А я пойду на совет и буду тянуть время. Скажу, что любые работы под городом опасны, пока мы не поймём, почему печать недавно колебалась. Пусть спорят. Пусть требуют отчётов. Пусть тянут бумаги. Нам нужно всего несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.